

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	51
Глава 6	58
Глава 7	73
Глава 8	90
Глава 9	102
Глава 10	113
Глава 11	129
Глава 12	139
Глава 13	149
Глава 14	158
Глава 15	175
Глава 16	188
Глава 17	199
Глава 18	210
Глава 19	229
Глава 20	246
Глава 21	256
Глава 22	267

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	275
Глава 2	286

Глава 3	300
Глава 4	321
Глава 5	334
Глава 6	342
Глава 7	352
Глава 8	366
Глава 9	376
Глава 10	385
Глава 11	404
Глава 12	409

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Почему я? Почему в феврале? Почему вообще туда нужно лететь из Петербурга? Почему не нанять местных? Там что, все умерли?

— Да, там все умерли. Ты фильмы про зомби видел? Вот там точно такие сейчас ходят, именно как зомби. Одно отличие — зомби обычно молча мозг тебе выедают, а эти в процессе ещё кричат про то, что Америка с ними и что Евросоюз их одобряет...

Директор смотрел на меня с плохо скрываемым раздражением и поминутно бросал нервный взгляд на часы.

— Палыч, двойной гонорар плюс командировочные. Соглашайся. И не говори мне, что ты боишься.

— Вообще-то я не боюсь, — соврал я. — Просто хочу точно знать, ради чего рискую...

На самом деле я даже не набивал себе цену — я лишь хотел услышать в первоисточнике, что конкретно меня ждёт. Вариантов предполагалось несколько, но все были какие-то безрадостные.

— Если меня примут, что будет: тюрьма или просто высылка?

— Тюрьма только для аборигенов, у кого гражданство местное. Пока, во всяком случае. Птицина вот всего лишь выслали в Россию неделю назад, правда, довольно жёстко, — осторожно подбирая слова, сообщил директор. — Но ничего уголовного не предъявляли.

— Избили, изувечили, издевались, или обошлось? — так же осторожно подбирая слова, спросил я.

— С Птициным? Ну, челюсть гуманитарно сломали при задержании, по почкам прошлись демократично. И ещё два ребра у него вроде бы треснули, но это не точно...

Мы оба помолчали, думая каждый о своём.

— Но мы оплачиваем лечение и протезирование, — торопливо добавил директор.

Я рефлекторно потрогал челюсть. Терять ей, конечно, после трёх переломов за последние четыре года было нечего, но ведь каждый раз больно. И, кстати, там у меня минус два зуба спереди, которые я всё никак не вставлю вот уже полгода.

Директор снова посмотрел на часы, потом коротко вздохнул:

— Ещё премии обещаю — по итогам каждого месяца, сколько продержишься там. Пятьдесят процентов плюсом к обычным расценкам.

— Ладно, я готов. Чего не сделаешь ради торжества тоталитаризма. Когда вылетать?

— Сегодня. У тебя самолёт через четыре часа, вообще-то. Билеты заказаны, получи их в отделе кадров, у Танечки.

Вот так у нас дела делаются, ага. К чему был весь этот душещипательный разговор, если директор всё решил за меня, причём за пару часов до того, как я вошёл к нему в кабинет?

Дома я не сильно задержался — дежурный чемоданчик всегда под кроватью. Запасные аккумуляторы, камера, штатив, носки, документы, наличные.

Смартфон я вычистил, пока ехал на такси в аэропорт. Чистка требовала внимания и сосредоточенности — сейчас столько дурацких приложений, что норвят записать всю твою жизнь поминутно. А зачем тайной политической полиции бывшего братского народа знать, к примеру, где и с кем я провёл вчерашний вечер?

Заказ гостиницы тоже оказался несложным делом — это всё я сделал в аэропорту, выбрав отель поближе к центру Киева, поскольку именно там происходят все интересующие нас события.

Надо сказать, цены на номера меня удивили — я был уверен, что так безбожно обдирают туристов только в Москве да Петербурге, но нет, глядите, соседи из списка независимых от всего на свете республик уже подтягиваются.

В накопителе аэропорта у меня было время подумать, что я буду говорить по прилёте пограничникам в Жулянах. Почитав, что пишут в Сети, я понял, как мне повезло — Танечка заказала рейс именно в маленький и старый киевский аэропорт в Жулянах. Он расположен в черте города и славится спокойным отношением пограничников к приезжим. А вот большой и сравнительно новый аэропорт «Борисполь», напротив, был известен дикими выходками персонала по отношению к русским. Если, конечно, верить комментариям безвинно пострадавших, которые они потом публиковали в Сети.

Один из таких комментариев жертвы украинской демократии я даже сохранил себе в телефон, рассчитывая использовать в публикации.

«Меня зовут Михаил, я из Краснодара. Я ездил в Киев осенью, получилось неудачно и даже оскорбительно. Итак, рассказываю, как было дело.

Прилетел я в Борисполь. Украинский пограничник взял мой российский паспорт, небрежно полистал его, а потом вдруг спросил:

— Чей Крым?

Я промолчал — читать лекцию про народное волеизъявление смысла не было. Тогда пограничник начал возить моим раскрытым паспортом по поролоновой подушке с чернилами, пока на месте фотографии и моего имени не образовалась сплошная синяя клякса. После этого он вернул мне паспорт со словами:

— Москалям нечего делать в приличной стране...

Вот так меня не пропустили через границу. И я ещё почти сутки ждал обратный самолёт в Россию.

А ещё при проверке багажа украинские таможенники специально сломали мою скрипку, с которой я должен был выступить в Киевской консерватории. Они там, внутри скрипки, искали наркотики, при этом очень веселились, приговаривая:

— Ах, не смешите наши пейсы...

У меня вопрос ко всем пользователям на этом европейском форуме: скажите мне, пожалуйста, — на Украине что, совсем уже умом тронулись? Или это лично мне просто так не повезло?»

...Наверное, Михаилу из Краснодара действительно не повезло. Российские пограничники в Пулково и, тем более, белорусские в Минске мною не заинтересовались, хотя по поводу наших

я тоже немного волновался — пара забытых и потому не оплаченных автомобильных штрафов всегда всплывает в самый неподходящий момент. Но обошлось.

Усевшись в кресло самолёта, я оценил летевшую со мной в Киев публику. На три четверти это были мужики с мрачными физиономиями. Надо думать, украинцы — гастарбайтеры: это было ясно по медным загорелым лицам и рукам, простой одежде, грубым причёскам под горшок. Конечно, я легко мог бы изобразить кого-нибудь из них, но для этого как минимум был нужен украинский паспорт.

В голливудском блокбастере мой персонаж непринуждённо отобрал бы паспорт у работяги и прошёл границу без проблем. В моей суровой реальности мне нужно было думать о том, как пересечь границу с рязанской мордой и русским паспортом в руках.

Соседи вполголоса переговаривались между собой с интонациями старух 90-х годов, у подъезда рассказывавших друг другу истории про бесчинства банды в их районе.

— Его завернули, прикинь!

— Да ты шо?

— Паспорт ещё порвали, а обрывки в унитаз спустили.

— Какой паспорт, русский?

— Нет, у него два было. Украинский порвали. Сказали, вали в свой Крым, ты теперь русский оккупант.

— А он?

— А он рад был, что хоть один паспорт оставили. Прикинь, в его положении, и вообще без документов остаться!

— Мрак. Я бы этого погранца, да рожей обстойку...

— Ну и сел бы как террорист...

Мои соседи в салоне самолёта оказались лицами с двойным гражданством — простыми, но предприимчивыми людьми, которые для удобства зарабатывания на хлеб насущный получили гражданство и России, и Украины. Но и предприимчивость иногда выходит боком. Никого не трогает то обстоятельство, что два паспорта у тебя — исключительно в целях заработка.

Поразительно, как легко развалилась интернациональная советская империя, как быстро и жёстко мечтательных интернационалистов превратили в отвратительных шовинистов. И никто не сказал обманутым и униженным людям из полыхающих окраин хотя бы «простите». Горбачёв совершенно искренне удивлялся, за что его ненавидят на одной шестой части суши.

Но моих попутчиков макроисторические процессы, судя по всему, интересовали мало, по большей части разговоры крутились вокруг рублей и квадратных метров. Хотя — не без налёта политэкономии.

— ...У москалей богато сейчас, — донеслось сзади. — Я весь этот сезон в Подмосковье плитку клал на двух объектах. Так эту плитку самолётами возили, прямо из Италии.

— Да, москалики в три горла жрут. Никак не подавятся...

Самолёт пошёл на посадку, а я так ничего и не придумал. Подумалось, что я совершенно точно не пройду пограничный контроль. Был бы я украинским пограничником — сам себя не пропустил бы.

Жрущий в три горла москалик не должен топтать святую киевскую землю.

«Боинг» чуть покряхтел перед посадкой, попав в турбулентность, и я вдруг понял, что все эти геополитические хлопоты совсем убили во мне аэрофобию, которой я, конечно, страдал, как любой разумный организм. Но сейчас я боялся не вероятной авиакатастрофы, а конкретных мужиков в зелёных фуражках.

Самолёт сел безупречно штатно, и нас тут же выпустили по трапам прямо на лётное поле. Я уж подумал, что простой сельский быт Западной Украины пустил корни даже в столичном аэропорту, и до здания аэровокзала мы пойдём пешком по бетонке. Но нет, минут через десять, за которые я успел окоченеть на февральском ветерке, подъехал выдавший виды автобус, а следом — ещё два, столь же потёртых.

Я сел в последний автобус, цепляясь за каждый возможный шанс. Например, утомлённый большой группой людей пограничник — это тоже вполне себе возможность.

Серое одноэтажное здание аэровокзала, похоже, не отапливалось вовсе. Я встал в хвост очереди и получил возможность понаблюдать за пограничниками.

Каждый из них сидел в одной из десяти будок, выстроенных в линию. Восемь оказались заняты мужчинами, две — женщинами.

К женщинам я сразу решил не идти — чёрт разберёт, что у них там в голове, когда они на гражданской работе, а уж когда в форме, это вообще инопланетяне.

Почти все пассажиры держали в руках синие украинские паспорта. Предупредительным крас-

ным семафором горел только мой российский паспорт и ещё три аналогичных у мамы с двумя школьниками сразу впереди меня.

Из восьми пограничников — мужиков в шеренге пропускных будок только один выглядел самым расслабленным — он совершал плавные, даже какие-то закруглённые движения руками, будто танцевал, при этом жевал резинку и рассеянно, но по-доброму всем улыбался.

Настала моя очередь идти за красную черту, и я нерешительно поплёлся к застеклённой будке.

У таможенника было гладкое округлое лицо. Он был почтительно приветлив и благожелателен. Однако, когда я выложил перед ним на стойку свой паспорт, вся его расслабленность куда-то пропала — он даже резинку выплюнул в салфетку, с откровенной враждебностью взглянув на меня.

— Цель поездки?

— Туризм, — неожиданно для себя брякнул я. Пограничник поднял вверх кустистые чёрные брови:

— Туризм? В Киев? В феврале? Придумайте что-нибудь пооригинальнее, гражданин...

Он повернулся налево, куда не поворачивался ни разу, пока я за ним наблюдал в очереди, и достал здоровенный деревянный штамп.

Я шумно вздохнул и показал ему на свой рот:

— Медицинский туризм. Зубы еду к вам делать. Зубы! У вас когда-нибудь болели зубы?! У меня уже год как не проходят.

Пограничник положил штамп на стол и со странным, живым интересом взглянул на меня. Я раскрыл рот пошире, потом развёл руками.